

УДК 316.7:902+94(571.1/.5)
DOI: 10.17223/19988613/49/13

М.П. Чёрная

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ЭПОХУ КОЛОНИЗАЦИИ СИБИРИ: ОТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА К ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

*Исследование выполнено за счет гранта РФФИ «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии
Северной и Центральной Азии» (проект № 14-50-00036).*

Рассматривается проблема этнокультурного взаимодействия населения Сибири эпохи колонизации, которое не ограничивалось политико-административной сферой, нашедшей отражение, прежде всего, в письменных источниках, но происходило в пространстве неполитической повседневности, в том числе на языке материальной культуры. Массовое присутствие в автохтонных памятниках предметов «русского» импорта нуждается в более глубокой исторической интерпретации, выходящей за рамки констатации самого факта взаимодействия и упрощенных трактовок археологического контекста. Решение проблемы требует усиления не только источниковой базы, но и методологического и методического анализа межкультурного общения, динамики и глубины трансформации исходного состояния взаимодействующих культур.

Ключевые слова: Сибирь; эпоха колонизации; этнокультурное взаимодействие; археология; история.

Этнокультурное взаимодействие, являясь неотъемлемой частью исторического процесса, во многом определяет темпы и качество его развития. Процессом, открывшим новую эпоху в истории Сибири и кардинально изменившим вектор её исторических перспектив, стала русская колонизация, которая определяется как этнокультурное расширение территории, государственное по форме и русское по культурному наполнению [1. С. 541]. Хотя контакты русских и сибирских аборигенов уходят вглубь веков, только продвижение границ Московии за Камень создает условия для сближения разных миров – своего-русского и инокультурного-иноземного. В широком и наиболее раннем значении термин «иноземцы» в русской лексике прилагался к людям иных – чужих или ещё не обжитых земель. Соционим «иноземцы» в Сибири имел различную – политическую, правовую, этнокультурно-конфессиональную – семантику, смысловые акценты которой менялись во времени и пространстве, и употреблялся как в нейтрально-положительном, так и отрицательном контекстах [2. С. 24–30]. Примечательно, что выходцев из иностранных государств называли «внешними иноземцами», отделяя их от иноземцев внутренних, которых позже, по мере интеграции колонизируемых земель в государственное пространство, стали называть инородцами.

Взаимодействие культур и народов, аккумулирующее неисчерпаемый информационный потенциал, представляет перспективнейшую исследовательскую задачу, решить которую совсем непросто не только в силу многосторонности и многослойности процесса, но и потому, что содержание, объем, динамика контактов по-разному преломляются в разных источниках. Взаимодействие народов в письменном отражении носит доминирующе политический характер, ибо письменная история – это прежде всего история политическая, зачастую представляющая канву событий в жанре боевика. Историография плотно заполнена изучением поли-

тико-административно-правовой составляющей межкультурных отношений. В оценке политических аспектов взаимодействий, избегая крайностей, надо отталкиваться от ситуации, сложившейся в сибирском сообществе задолго до начала государственного этапа колонизации, и получившей определение «войны всех против всех». Почвой перманентных конфликтов была борьба коренного населения за уголья, связанная с присваивающей экономикой. Это нашло отражение в фольклоре: «Было время – манси на манси нападали»; «Приехал к ненецкой дружине. Воевать стал. Всех убил»; в живых не оставляли «даже привязанной к шесту собаки». В селькупских преданиях рассказывается: «До русских было: кто силу имеет, то и царем был, богатырем». Селькупские богатыри-вожди Поки и Калгуп – соседи и враги – бились друг с другом. Селькупы враждовали с хантами: там, где «война была, племя на племя шло», «ужас сколько человеческих черепов»; «Те [ханты] придут – война! Много убьют... загнали наших... в болото и всех убили. Били луками и стрелами... Это еще когда царя [русского] не было» и т.д. [3. С. 106, 107; 4. С. 546; 5. С. 31–34]. Мотив соперничества и сепаратизма, движущий действиями вождей-родоначальников, выполнявших военно-политические и религиозные функции и олицетворявших их героев богатырского эпоса, был ведущим и не оставлял места стремлению не то, что к «национальному единству», но даже к единству отдельных племен [6. С. 65; 7. С. 55].

О беспощадном характере войны свидетельствует и археология. При раскопках Надымского городка найдены останки более десятка человек – вождя и его родственников, убитых соплеменниками или европейскими самоядами для прекращения карачейской вождейской династии. Даже тогда, когда можно было разделить уголья или занять разные хозяйственно-промысловые ниши, война как часть присваивающей экономики служила средством грабежа, удовлетворяла

амбиции вождей и общинной элиты [8. С. 286–287; 9. С. 373–378]. Сходная картина реконструируется по материалам раскопок городища и могильника Частухинский Урий конца XVI – начала XVII в., принадлежавших юганским хантам. Историческое предание связывает городок с именем легендарного «хантыйского царя Тоньи», обладавшего богатырскими чертами. Основным занятием обитателей городка была война. Нацеленность на военные действия практически не оставляла времени на характерные для мирной жизни рыболовство и охоту. Археологически документированные домашние ремесла должны были обслуживать и создавать комфорт хозяевам городка, имевшим высокий статус [10. С. 68–86].

Русским не просто пришлось окунуться в напряженную атмосферу «все против всех», но выстраивать отношения в своих геополитических интересах: решая тактическую задачу сохранения ясаших иноземцев как важного источника пополнения казны и задачу стратегическую – интегрирования края в государственную систему, выполнение которой было возможно только при ведущем значении хозяйственно-культурного мотива освоения, хотя военных браней при столкновении интересов многих «игроков» на зыбкой почве меняющейся конъюнктуры было не избежать. При всей сложности политической ситуации пришлые и местные народы не оказались на грани межэтнической катастрофы. Благодаря протекционистской политике был остановлен маховик «войны всех против всех», ведущей к самоуничтожению автохтонов.

Введение в оборот новых источников, их перекрестный анализ показали, что обосновавшийся в историографии с XIX в. тезис о вымирании коренного населения, как и прежний учет его численности с применением коэффициента 4, несостоятельны. При сопоставлении данных ясачных книг с подушными переписями выявлено, что в каждой юрте-семье проживало не 4 чел., а 10–20, что было связано с реакцией автохтонов на ясачную политику, согласно которой ясак вносили главы семьи. Ясачное население постоянно росло за счет естественного прироста. Так, число коренных жителей в Среднем Приобье за 230 лет увеличилось в 2,7 раза, а совокупное число сибирских аборигенов со 160 тыс. в середине XVII в. выросло к концу XIX в. почти в 4 раза. Рост населения в целом не останавливали даже эпидемии, в распространении которых неправильно обвинять исключительно русских, поскольку большинство автохтонов было знакомо с ними много раньше. Китайские источники упоминают, например, о моровой язве среди уйгуров в 840 г. В хакасском фольклоре оспа и корь называются гостями с юго-востока, из далекой страны за Саянами, а тиф – болезнью, происходящей из Тувы. Кызыльцы считали, что грипп приходит из холодной страны, где обитают эвенки. В эпоху колонизации миграции необычайно активизировались, что вело к расширению зон этнических контактов, в том числе самых отдаленных. Распространение

заболеваний было побочным эффектом интенсификации межэтнического общения [3. С. 109; 11. С. 46–47; 12. С. 16–17; 13; 14. С. 27].

Кроме политических событий общение коренных и пришлых народов происходило в пространстве неополитической повседневности. Диалог их культур, в отличие от изменчивой административно-политической обстановки, охватывал широкий спектр обыденной жизни, обеспечивая долгосрочную перспективу взаимодействия.

В межэтническом общении, ведущемся на языке материальной культуры, этносы, с одной стороны, позиционируют свою отдельность, выраженную в предметно-объектных формах. С другой стороны, через этот диалог идут трансляция, принятие, трансформация инокультурных импульсов. В эпоху колонизации, когда «русское присутствие» становится постоянным фактором, культурный обмен на хозяйственно-бытовом уровне превращается в действенный механизм адаптации к изменившимся условиям существования, как местных, так и пришлых.

Культура как целое состоит из разных пластов и функционирует как единый связанный механизм, в котором синхронно идут процессы постепенного развития, обеспечивающие преемственность, и взрывные процессы, обеспечивающие новаторство. Различная скорость развития культурных пластов и движения быстрых / медленных процессов рождает внутренние противоречия, которые становятся источником динамики [15. С. 25–27].

В межэтническом общении также задействованы разные пласты культуры, влияния и заимствования происходят с разной скоростью и в разном объеме, что опосредовано близостью / дальностью проживания этносов, активностью контактов, политической обстановкой. В диалоге культур на первом плане просматривается разнотадальность культур: присваивающая в своей основе экономика сибирских аборигенов, ориентированная на натуральное потребление, и товарное производство русских переселенцев, ориентированное на рынок. Межэтническое общение – это поле для инноваций в виде инокультурных заимствований, что предполагает наличие культуры-донора и культуры-реципиента [16. С. 156–157, 186–187].

Вряд ли правомерно в обмене культурными достижениями между коренным и пришлым населением обвинять русских в великодержавии и шовинизме и под культуртрегерской ролью России в присоединенной Сибири подразумевать порабощение отсталых народов под прикрытием насаждения культуры [17. С. 118–119]. Обмен культурными «дарами» между донором и реципиентом несимметричен, но, получая инокультурную «прививку», обе стороны обогащают свой культурный потенциал. Представители разных культурных миров, оказавшись в едином пространственно-временном континууме, становятся «собеседниками» и ведут «разговор», даже не зная вербального языка, на

языке материальных предметов, объектов, символов, что находит отражение и в археологическом контексте.

В изучении диалога культур археология открывает новые возможности. В межэтнических контактах русские выступали многоканальной связующей средой и трансляторами разнотрадиционных традиций в регионе.

Категорией обиходных предметов русского производства, широко представленной на аборигенных памятниках, является гончарная керамическая посуда. Ее высокое, в сравнении с автохтонной керамикой, качество, обеспеченное применением гончарного круга, и разнообразный ассортимент привели не просто к замещению лепной посуды, но угасанию собственного производства, хотя и были попытки копировать русские гончарные изделия в лепной технике. Предпочтение гончарной посуды из инокультурной среды тем более показательным, что керамика у сибирских аборигенов служила этнокультурным индикатором. На глубину внедрения не только в обиход, но и в сакральное пространство культуры, указывают находки русской керамики в местных погребальных комплексах, что имело особое семантическое значение [18–22 и др.]. Проживание местных среди русских, распространение смешанных браков документируют находки аборигенной керамики на русских памятниках, хоть и в меньшем объеме (Томск, Кузнецк, Саянский, Алазейский остроги и др.) [23. С. 38. Табл. 32, 2; 34, 1; 24. С. 45 и др.].

В число предметов «русского» импорта, несомненно, приоритетных для автохтонов, входили металлический инвентарь, прежде всего, орудия труда – топоры, ножи, деревообрабатывающий инструмент и проч., а также посуда и другие обиходные вещи из металлов, охотно внедряемые в туземный быт и хозяйство. Широкий ассортимент «русских» товаров (орудия труда, посуда, предметы одежды, обувь, украшения и проч.), «осевших» в автохтонных памятниках, документирует распространение этнокультурных контактов в разных сферах жизнедеятельности. Но в исторической оценке археологических материалов мы пока недалеко ушли от констатации самого факта взаимодействия. Это объясняется диахронией русской и аборигенной археологии, их параллельным развитием относительно друг друга и, как следствие, подчас упрощенной трактовкой археологического контекста.

Раскопки аборигенных памятников показали масштабы распространения русского импорта, внедрение технических новшеств русского производства облегчало работу и повышало ее производительность. Глубина проникновения новых орудий труда и лова (капканы, ловушки, невод и др.) в недра традиционной культуры могла быть столь полной, что забывалось их «неродное» происхождение. «Культура элиты» в лице вождей, воинов, торговцев, наиболее активно контактирующих с ближними и дальними соседями, отражает заимствования внешних престижных элементов культуры, инновации в вооружении, стремление к роскоши [23. С. 60, 61; 24. С. 34–46; 25. С. 231–250; 26. С. 98–105].

Появление и рост объема денег в аборигенной среде, поступавших через один из ведущих каналов межэтнических контактов – торгово-обменные операции, а также увеличение денежной доли в ясачном окладе являются показателями участия автохтонов в товарно-денежных отношениях, хотя степень этого участия, опосредованная социальным статусом, особенностями ведения хозяйства, местом проживания, была различной. Насколько тесными могли быть деловые связи с аборигенами, свидетельствует пример судебного разбирательства конных казаков Петра Вершинина и Дениса Пролубщикова, подавших иск о взыскании 150 руб. денег, которые им задолжали чатские татары Елбачев и Албаев [27. С. 81]. Сумма долга показывает, что объемы денежных оборотов у лиц из аборигенной среды бывали немаленькими. В XVII в. селькупская семья из двух-трех охотников за зимний сезон могла добыть пушнины, по самым скромным подсчетам, на 1,5 тыс. руб. по тогдашним закупочным ценам или 25,5 тыс. руб. по курсу рубля XIX в. (курс рубля XVII в. к рублю составлял 1 к 17). Показательно сравнение размеров выручки за пушнину с русскими: по таможенной книге 1626 г. служилые люди и крестьяне продали мягкой рухляди на сумму от 2 до 15 руб., и это немалые деньги, так как на 15 руб. (два годовых денежных оклада) можно было купить 5 лошадей или коров, но все же это в разы меньше выручки аборигенов [5. С. 85; 28. С. 236; 29. С. 83].

Втягивание автохтонов в товарно-денежные отношения документировано и археологически не только по монетам, на которые покупали / обменивали пушнину, но и их заменителям-эквивалентам – бисеру или олову «в блюдах и тарелях», другим товарам, которыми русское правительство, обеспокоенное изъятием из обращения отечественных денег, стремилось их заменить, а также по совокупности вещей, покупаемых коренным населением, что в наиболее концентрированном виде отражают погребальные комплексы. «Русских» вещей в аборигенных могилах заметно больше, чем изделий местного изготовления, и это превосходство могло доходить до полной замены последних. Учитывая цены на импортные вещи, диапазон которых колебался от копеечной галантерейной мелочи до 2–3 и более рублей за железные топоры и медные котлы, общая стоимость погребального инвентаря была внушительной [24. С. 41; 30; 31. С. 181; 32. С. 245]. Подтверждением экономической состоятельности аборигенного населения служит женское погребение из селькупского могильника Мигалка второй половины XVII – начала XVIII в. из Нарымского Приобья. Совокупная цена, включая стоимость одежды (из 9 видов текстиля, в том числе дорогостоящих шелка, фабричного сукна, кашемира), декоративных пронизок, бронзовых подвесок, низок бус и бисера, пуговиц, наперстка, деревянной точеной шкатулки, висячего замка, ножа с медной оправой рукояти, бронзового котла, составляла порядка 6,5–8 руб. [33. С. 95–98]¹. И в XIX в. цены на привоз-

ные изделия не были для коренных жителей особо обременительными. Так, далекий, казалось бы, оторванный от «большой земли» Обдорский Север обладал экономической притягательностью, объемы его товарооборота, даже по неполным данным, свидетельствуют о высокой торговой активности зырян, значительной степени благосостояния обдорцев, определяемом втянутостью во всероссийский рынок и мировыми ценами [34. С. 22–26].

Массовое присутствие в автохтонных памятниках предметов «русского» импорта требует более глубокой интерпретации. Являлось ли внедрение в обиход и даже в сакральное пространство культуры «чужих» элементов, вплоть до полной замены местных изделий импортными в погребальном инвентаре, традиционно-го костюма покупной одеждой и т.д., бесспорным показателем «русификации» или «христианизации» в том плане, что аборигены как сторона, принимающая инокультурные новшества, становились русскими и христианами? Сам обряд надления погребенного «полным» комплектом вещей имел глубокие местные корни, связанные с языческими представлениями о загробном мире, стремлении обезопасить живых от вредного влияния умерших [Там же. С. 26]. Принесение вещественной / откупной жертвы, тем более из столь дорогих и престижных предметов, изымавшихся из обыденного пространства живых, подчеркивает живучесть языческого мировоззрения. Крест, положенный в могилу, при внешнем налете «христианства» воспринимался как языческий символ, особенно если он сделан из металла – сакрального по своей сущности для язычника. Еще более выразительны факты нахождения в аборигенных захоронениях по 2–3 креста на одном умершем [35. С. 93].

Изучение материалов русских памятников, множась год от года, показывает, что представления о самой русской культуре, особенно под воздействием мультикультурной среды, нуждаются в доработке или пересмотре. Так, раскопки русских некрополей, фиксирующие разную глубину захоронений, отклонения в ориентации, вариации положения рук, вместилища для тела и т.д., свидетельствуют о том, что «канонического» обряда еще не было и его формирование заняло продолжительный период времени. Как не было изна-

чально и канона помещения в могилу креста. А случаи нахождения во рту умершего православного монетки показывают, что «народный вариант православия», носителем которого были переселенцы, вполне допускал в свое сакральное пространство языческие, по сути, элементы [36. С. 199; 37. С. 55, 58, 114–117, 122–124; 38. С. 17–18].

Трансформация и даже деформация идентичностей как форма адаптации к меняющимся условиям жизни не привели участников межэтнического общения к утрате «себя» и изменения носили более внешний, чем внутренний характер. В трансформации идентичностей можно наблюдать поступательно-возвратное движение, когда престижное вхождение в русскую среду или приближение к ней, обладание русскими вещами не только в хозяйстве или быту, но и «по прихоти» сменяется снижением статуса русских, их уравнивание, по меньшей мере, с другими народами, а пиететное отношение – критически-ироничным: первоначальный страх к огнестрельному оружию сменяется желанием заполучить его и научиться стрелять, а затем подчеркиванием скорострельности лука перед неуклюжей пищалью («У казаков из ружья три человека стреляет: один заряжает, другой целится, а третий поджигает. А Тоня их из лука бьет – за один раз троих убивает»); противопоставление своих женщин «бесстыжим» русским женщинам, которые не носят штанов, и т.д. В течение поколений шло превращение «Чужого» в «Другого». Сближение «Своего» и «Другого» может претерпевать удивительные метамозы: от представлений об утраченном рае как жизни «без болезней, без налогов и без русских» в XIX в. до обустройства в XXI в. в сибирской тундре православного лагеря, воплощающего Землю надежды – Новый Иерусалим, а почти все иконы в местной церкви написаны ненецкой женщиной [10. С. 76; 39. С. 106–107, 110, 113; 40].

Анализ критериев, форм, механизмов самосохранения в «плавильном котле» этнокультурного взаимодействия далек от завершения. Исследование приводит к заключению, что решение вопроса находится не только в области усиления источниковой базы, но и методологического и методического анализа процесса взаимодействия, динамики и глубины трансформации исходного состояния культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Приношу глубокую благодарность Л.А. Чиндиной за возможность использования неопубликованных данных по сделанному ею подсчету стоимости погребального инвентаря.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чёрная М.П. Русское содержание российской колонизации Сибири в археологическом отражении // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. II. С. 539–541.
2. Зуев А.С., Игнаткин П.С. Параметры социально-политической идентификации коренных народов Сибири в Московском государстве XVII в.: к вопросу о семантике соционима «иноземцы» // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. : материалы науч. конф. М. : Вологда : Древности Севера, 2016. С. 24–30.
3. Гемуев И.Н. Все против всех (по данным мансийского фольклора) // Народы Сибири: история и культура. Новосибирск, 1997. С. 106–109.
4. Казакевич О.А. Начало и конец в структуре фольклорных текстов северных селькупов // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М. : Индрик, 2002. С. 542–550.
5. Пелих Г.И. Селькупы XVII в. (очерки социально-экономической истории). Новосибирск : Наука, 1981. 175 с.

6. Патканов С.К. Соч. в 5 т. / С.К. Патканов ; сост. Ю. Мандрика. Тюмень : Мандр и К, 2003. Т. 5 : Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и сказаниям. Иртышские остяки и их народная поэзия. 416 с.
7. Головнёв А.В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург : УрО РАН, 2004. 344 с.
8. Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII в. История и материальная культура. Екатеринбург ; Нефтеюганск : Магеллан, 2009. 360 с.
9. Кардаш О.В. «Столетняя война» Пустозерска и Большой Карачей XVII–XVIII вв. (по результатам комплексных исследований Пустозерского и Надымского городищ) // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. : материалы науч. конф. М. ; Вологда : Древности Севера, 2016. С. 366–378.
10. Семёнова В.И. Поселение и могильник Частухинский Урий. Новосибирск : Наука, 2005. 164 с.
11. Главацкая Е.М. Власть и «сибирские иноземцы» в XVII в. // Сургут, Сибирь, Россия. Екатеринбург, 1994. С. 44–47.
12. Емельянов Н.Ф. Среднее Приобье в феодальную эпоху (социально-экономическая и политическая история) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Свердловск, 1988. С. 46.
13. Скобелев С.Г. Влияние заболеваемости на динамику численности коренного населения Сибири в XVII–XX вв. // Сибирская Заимка. История Сибири в научных публикациях. 2002. URL: <http://zaimka.ru/skobelev-morbidity>
14. Скобелев С.Г. Актуальность и задачи изучения демографического развития коренного населения Сибири в XVII–XXI вв. в контексте аналогичных мировых процессов // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2006. Т. 5, вып. 3. С. 24–29.
15. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М. : Гнозис, 1992. 272 с.
16. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М. : Наука 1989. 247 с.
17. Матюшенко В.И. Раздумья над древней и традиционной культуре народов Сибири в юбилее русского города Сургута // Сургут, Сибирь, Россия. Екатеринбург, 1994. С. 117–119.
18. Молодин В.И., Новиков А.В. Некоторые технологические аспекты керамики Илимского острога // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. Красноярск, 1989. С. 166–168.
19. Новиков А.В. Гончарное производство Усть-Тартасского форпоста // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. Новосибирск : Наука, СО, 1990. С. 175–181.
20. Татаурова Л.В. Методика изучения средневековой керамики в рамках этнографо-археологического комплекса // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск : Наука, СО, 1997. Т. 2: Культура тарских татар. С. 85–90.
21. Молодин В.И. Русская станковая керамика в археологических комплексах западносибирских аборигенов (позднее Средневековье – Новое время) // Культура русских в археологических исследованиях. Т. 2. Омск, Тюмень, Екатеринбург : Магеллан, 2014. С. 73–75.
22. Тихомиров К.Н. Некоторые аспекты взаимодействия культур местного и пришлого населения Среднего Прииртышья в XVI–XVII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. Т. 2. Омск, Тюмень, Екатеринбург : Магеллан, 2014. С. 145–147.
23. Алексеев А.Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 152 с.
24. Скобелев С.Г. Развитие хозяйства местного населения Среднего Енисея и Томи в XVII в. // Кузнецкая старина. Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 1994. Вып. 2. С. 34–46.
25. Скобелев С.Г. Предметное содержание русских влияний на материальную культуру коренного населения юга Приенисейского края в позднем Средневековье – начале Нового времени (по данным археологии) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. Т. 8, вып. 3. Археология и этнография. 2009. С. 231–250.
26. Фёдорова Н.В. Повседневность, война и торговля в археологии севера Западной Сибири // Уральский исторический вестник. 2012. № 4 (37). С. 98–105.
27. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: историко-этнографические очерки (XVII – начало XVIII в.). Новосибирск : Наука, 1992. 197 с.
28. Ключевский В.О. Русский рубль в XVI–XVIII вв. в его отношении к нынешнему // Сочинения. М., 1959. Т. VII. С. 170–236.
29. Емельянов Н.Ф. Город Томск в феодальную эпоху. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 224 с.
30. Спасский Г.И. Денежная казна // Исторические памятники русского арктического плавания XVII века. М. ; Л., 1951. С. 112–129.
31. Чиндина Л.А. О ритуальной одежде селькупской женщины XVII века // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить». Барнаул : Изд-во АлтГУ, 1995. С. 179–187.
32. Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М., 1967. 327 с.
33. Чиндина Л.А. Комплект торсового костюма нарымской селькупки конца XVII в. // Археолого-этнографические исследования в южно-таежной зоне Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 95–98.
34. Мурашко О.А., Кренке Н.А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX в. (по археолого-этнографическим коллекциям Музея антропологии МГУ). М. : Наука, 2001. 155 с.
35. Ожередов Ю.И. Погребальный обряд шиешгула в свете российской государственной политики (конец XVI – середина XIX в.) // Русские старожилы : материалы III Сибирского симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск : ОмГПУ, 2000. С. 91–93.
36. Воробьев-Исаев А.А. Духовная сторона православного обряда погребения по археологическим источникам // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Апелсин, 2008. С. 199.
37. Бердников И.М. Сибирский православный некрополь XVIII–XIX веков как археологический источник (по материалам исследований в Иркутске) : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2012. 200 с.
38. Чёрная М.П. Сибирский опыт освоения пространств в историко-археологическом контексте // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. : материалы науч. конф. Москва ; Вологда : Древности Севера, 2016. С. 14–23.
39. Трепавлов В.В. Образ русских в представлениях народов России XVII–XVIII вв. // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. С. 102–118.
40. Самсон Д. К вопросу о рае у ненцев и обских угров (XIX–XXI вв.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 142–146.

Chernaya Maria P. Tomsk State University (Tomsk, Russia), Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: mariakreml@mail.ru

ETHNIC AND CULTURAL INTERACTION IN THE EPOCH OF COLONIZATION OF SIBERIA: FROM ARCHAEOLOGICAL CONTEXT TO HISTORICAL INTERPRETATION.

Keywords: Siberia; the epoch of colonization; ethnic and cultural interaction; archeology; history.

The article deals with the problem of ethnic and cultural interaction of the Siberian population in the Colonization Epoch, the urgency of which is determined by the fact, that the process of region's entering into Russia radically changed the development vector and the historical perspectives of indigenous peoples and settlers, who eventually became Russian Siberians. The aim of the study is to show, that the peoples' contacts were by no means confined to the political-administrative-legal field, which is primarily reflected in written sources, but were in the space of non-political everyday life and were conducted in the language of material culture as well. Cultural exchange at the economic and household level is transformed into an effective mechanism of adaptation to the changed conditions of existence for both local and foreign peoples. The source base for the study of ethnic and cultural interaction is multicomponent and includes written documents, folklore, archaeological data, in which the historical reality is differently refracted that allows more complete

reconstruction of the past realities. Interethnic communication involves different layers of culture, influences and borrowings that occur at different speeds and in different volume, drawn-in cultures of different stages that assume the presence of a donor culture and a recipient culture, the exchange between those is asymmetric. In one space-time continuum representatives of different cultural worlds communicate in verbal language and in the language of material things, objects, symbols, which is reflected in the archaeological context. The massive presence in indigenous sites of "Russian" importation items requires a deeper historical interpretation, which goes beyond the statement of just a fact of the interaction and simplistic interpretations of the archaeological context. The study of the Russian sites' materials shows, that ideas about the Russian culture itself need improvement or revision in some aspects, especially taking into account the impact of the native environment. Was the introduction into everyday life and even into the sacred space of culture of "alien" elements up to the complete replacement of local products with imported ones in the funerary inventory, traditional costume with purchased clothes etc. an indisputable indicator of "Russification" or "Christianization"? Transformation and even deformation of identities as a form of adaptation to changing living conditions did not lead the participants of interethnic communication to the loss of their "selves". The analysis of the criteria, forms, mechanisms of self-preservation in the "melting pot" of ethnic and cultural interaction is far from completion. The study leads to the conclusion, that the solution of the problem is not only in the field of source base strengthening, but also is in a methodological and methodical analysis of the interaction process, dynamics and depth of transformation of the initial state of culture.

REFERENCES

- Chernaya, M.P. (2008) Russkoe sodержanie rossiyskoy kolonizatsii Sibiri v arkheologicheskom otrazhenii [Russian content of the Russian colonisation of Siberia in archaeological reflection]. In: Derevyanko, A.P. & Makarov, N.A. (eds) *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Suzdale* [Proceedings of the Second (18th) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal]. Vol. 2. Moscow: IA RAS. pp. 539–541.
- Zuev, A.S. & Ignatkin, P.S. (2016) Parametry sotsial'no-politicheskoy identifikatsii korenykh narodov Sibiri v Moskovskom gosudarstve XVII v.: k voprosu o semantike sotsionima "inozemtsy" [Parameters of socio-political identification of Siberian indigenous peoples in the Moscow state of the 17th century: On the semantics of the sociionim "inozemtsy"]. In: Belyaev, L.A. (ed.) *Ot Smuty k Imperii. Novye otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv.* [From the Troubles to the Empire. New Discoveries in Archeology and History of Russia of the 16th – 18th centuries]. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa. pp. 24–30.
- Gemuev, I.N. (1997) Vse protiv vsekh (po dannym mansiyskogo fol'klora) [All against all (according to the Mansi folklore)]. In: Derevyanko, A.P. & Pelikh, G.I. (eds) *Narody Sibiri: istoriya i kul'tura* [Peoples of Siberia: History and Culture]. Novosibirsk: Nauka. pp. 106–109.
- Kazakevich, O.A. (2002) Nachalo i konets v strukture fol'klornykh tekstov severnykh sel'kupov [The beginning and the end in the structure of the Northern Selkup folklore texts]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskii analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa* [Logical Analysis of the Language. The Semantics of the Beginning and the End]. Moscow: Indrik. pp. 542–550.
- Pelikh, G.I. (1981) *Sel'kupy XVII v. (ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii)* [Selkups of the 17th Century (Essays of Socio-economic History)]. Novosibirsk: Nauka.
- Patkanov, S.K. (2003) *Sochineniya v 5 t.* [Works in 5 Vols]. Vol. 5. Tyumen: Mandr i K.
- Golovnev, A.V. (2004) *Kochevniki tundry: nentsy i ikh fol'klor* [Nomads of the Tundra: Nenets and Their Folklore]. Ekaterinburg: Ural Branch of RAS.
- Kardash, O.V. (2009) *Nadymskiy gorodok v kontse XVI – pervoy treti XVIII v. Istoriya i material'naya kul'tura* [Nadym Town in the Late 16th – early 18th Centuries. History and Material Culture]. Ekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan.
- Kardash, O.V. (2016) "Stoletnyaya vojna" Pustozerska i Bol'shoy Karachei XVII–XVIII vv. (po rezul'tatam kompleksnykh issledovaniy Pustozerskogo i Nadymskogo gorodishch) ["The Hundred Years' War" of Pustozersk and the Great Karachy in the 17th – 18th centuries (based on the results of complex studies of Pustozersk and Nadym Hill settlements)]. In: Belyaev, L.A. (ed.) (2016) *Ot Smuty k Imperii. Novye otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv.* [From the Troubles to the Empire. New Discoveries in the Field of Archeology and History of Russia of the 16th – 18th centuries]. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa. pp. 366–378.
- Semenova, V.I. (2005) *Poselenie i mogil'nik Chastukhinskiy Uriy* [Chastukhinsky Uriy Settlement and Burial Ground]. Novosibirsk: Nauka.
- Glavatskaya, E.M. (1994) Vlast' i "sibirskie inozemtsy" v XVII v. [Power and "Siberian non-Russians" in the 17th century]. In: Mankova, I.L. (ed.) *Surgut, Sibir', Rossiya* [Surgut, Siberia, Russia]. Ekaterinburg: [s.n.]. pp. 44–47.
- Emelyanov, N.F. (1988) *Srednee Priob'e v feodal'nyuyu epokhu (sotsial'no-ekonomicheskaya i politicheskaya istoriya)* [The Middle Ob in the Feudal Era (Socio-economic and Political History)]. Abstract Of History Dr. Diss. Sverdlovsk.
- Skobelev, S.G. (2002) *Vliyaniye zabolevaemosti na dinamiku chislennosti korennoy naseleniya Sibiri v XVII–XX vv.* [Influence of Morbidity on the Dynamics of the Indigenous Population of Siberia in the 17th – 20th Centuries]. [Online] Available from: <http://zaimka.ru/skobelev-morbidity>.
- Skobelev, S.G. (2006) Aktual'nost' i zadachi izucheniya demograficheskogo razvitiya korennoy naseleniya Sibiri v XVII–XXI vv. v kontekste analogichnykh mirovykh protsessov [Topical tasks of studying the demographic development of the Siberian indigenous population in the 17th – 21st centuries in the context of similar world processes]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State Universit. Series: History and Philology*. 5(3). pp. 24–29.
- Lotman, Yu.M. (1992) *Kul'tura i vzryv* [Culture and Explosion]. Moscow: Gnozis.
- Arutyunov, S.A. (1989) *Narody i kul'tury: razvitie i vzaimodeystvie* [Peoples and Cultures: Development and Interaction]. Moscow: Nauka.
- Matyushchenko, V.I. (1994) Razdum'ya nad drevney i traditsionnoy kul'ture narodov Sibiri v yubileum russkogo goroda Surguta [Reflections on the ancient and traditional culture of Siberian peoples on the anniversary of the Russian city of Surgut]. In: Mankova, I.L. (ed.) *Surgut, Sibir', Rossiya* [Surgut, Siberia, Russia]. Ekaterinburg: [s.n.]. pp. 117–119.
- Molodin, V.I. & Novikov, A.V. (1989) Nekotorye tekhnologicheskie aspekty keramiki Ilmskogo oostroga [Some technological aspects of ceramics from Ilmsk Ostrog]. In: Paramonova, V.I. (ed.) *Problemy izucheniya Sibiri v nauchno-issledovatel'skoy rabote muzeev* [Problems of Studying Siberia in the Museum Research]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University. pp. 166–168.
- Novikov, A.V. (1990) Goncharnoe proizvodstvo Ust'-Tartasskogo forposta [Pottery production of the Ust-Tartas outpost]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Drevnyaya keramika Sibiri: tipologiya, tekhnologiya, semantika* [Ancient Ceramics of Siberia: Typology, Technology, Semantics]. Novosibirsk: Nauka. pp. 175–181.
- Tataurova, L.V. (1997) Metodika izucheniya srednevekovoy keramiki v ramkakh etnografo-arkheologicheskogo kompleksa [Methods of studying medieval ceramics within the ethnographic-archaeological complex]. In: Khudyakov, Yu.S. (ed.) *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: Problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographic-Archaeological Complexes: Problems of Culture and Socium]. Vol. 2. Novosibirsk: Nauka. pp. 85–90.
- Molodin, V.I. (2014) Russkaya stankovaya keramika v arkheologicheskikh kompleksakh zapadnosibirskikh aborigenov (pozdneye Srednevekov'e – Novoe vremya) [Russian easel ceramics in archeological complexes of West Siberian aborigines (Later Middle Ages – New Time)]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Vol. 2. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 73–75.
- Tikhomirov, K.N. (2014) Nekotorye aspekty vzaimodeystviya kul'tur mestnogo i prishlogo naseleniya Srednego Priirtysh'ya v XVI–XVII vv. [Some aspects of cultural interaction between local and foreign population of the Middle Irtysh region in the 16th – 17th centuries]. In: Tataurova, L.V. (ed.)

- Kul'tura russkikh v arkhеologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Vol. 2. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 145–147.
23. Alekseev, A.N. (1996) *Pervye russkie poseleniya XVII–XVIII vv. na severo-vostoke Yakutii* [The First Russian Settlements of the 17th – 18th centuries in the northeast of Yakutia]. Novosibirsk: SB RAS.
  24. Skobelev, S.G. (1994) *Razvitie khozyaystva mestnogo naseleniya Srednego Eniseya i Tomi v XVII v.* [Development of the economy of the local population in the Middle Yenisei and Tom in the 17th century]. *Kuznetskaya starina*. 2. pp. 34–46.
  25. Skobelev, S.G. (2009) *Predmetnoe sodержanie russkikh vliyaniy na material'nyuyu kul'turu korennoogo naseleniya yuga Prieniseyskogo kraya v pozdnem Srednevekov'e – nachale Novogo vremeni (po dannym arkhеologii)* [The subject content of Russian influences on the material culture of the indigenous population of the south of the Enisei Krai in the late Middle Ages – early New Time (according to archeology)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State Universit. Series: History and Philology*. 8(3). pp. 231–250.
  26. Fedorova, N.V. (2012) *Everyday life, war and trade in the archaeology of the north of West Siberia. Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 4(37). pp. 98–105. (In Russian).
  27. Lyutsidarskaya, A.A. (1992) *Starozhily Sibiri: istoriko-etnograficheskie ocherki (XVII – nachalo XVIII v.)* [Siberian Old-timers: Historical and Ethnographic Essays (the 17th - early 18th centuries)]. Novosibirsk: Nauka.
  28. Klyuchevskiy, V.O. (1959) *Sochineniya* [Works]. Vol. 7. Moscow. pp. 170–236.
  29. Emelyanov, N.F. (1984) *Gorod Tomsk v feodal'nyuyu epokhu* [Tomsk in the Feudal Era]. Tomsk: Tomsk State University.
  30. Spasskiy, G.I. (1951) *Denezhnaya kazna* [Monetary coffers]. In: Okladnikov, A.P. & Pinkhenson, D.M. (eds) *Istoricheskii pamyatnik russkogo arkhticheskogo plavaniya XVII veka* [Historical Monuments of Russian Arctic Navigation of the 17th Century]. Moscow; Leningrad: Glavsevmorput'. pp. 112–129.
  31. Chindina, L.A. (1995) *O ritual'noy odezhde sel'kupskey zhenshchiny XVII veka* [On the ritual dress of a Selkup woman of the 17th century]. In: Chindina, L.A. (ed.) *“Moya izbrannitsa nauka, nauka, bez kotoroy mne ne zhit”* [“My choice is science, without which I can not live”]. Barnaul: Altai State University. pp. 179–187.
  32. Vilkov, O.N. (1967) *Remeslo i trgovlya Zapadnoy Sibiri v XVII v.* [Craft and trade of Western Siberia in the 17th century]. Moscow: Nauka.
  33. Chindina, L.A. (2003) *Komplekt torsovogo kostyuma narymskoy sel'kupki kontsa XVII v.* [A set of a Torso Suit for the Narym Selkup woman in the late 17th century]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniya v yuzhno-taеzhnoy zone Zapadnoy Sibiri* [Archeological and Ethnographic Research in the South-Taiga Zone of West Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 95–98.
  34. Murashko, O.A. & Krenke, N.A. (2001) *Kul'tura aborigenov Obdorskogo Severa v XIX v. (po arkhеologo-etnograficheskim kollekttsiyam Muzeya antropologii MGU)* [Culture of Aboriginal Obdorsk North in the 19th century (on the archaeological and ethnographic collections of the Museum of Anthropology of Moscow State University)]. Moscow: Nauka.
  35. Ozheredov, Yu.I. (2000) *Pogrebal'nyy obryad shieshgula v svete rossiyskoy gosudarstvennoy politiki (konets XVI – seredina XIX v.)* [Funeral ceremony in the light of Russian state policy (the late 16th – mid-19th centuries)]. In: Chernaya, M.P. et al. *Russkie starozhily* [Russian Old-timers]. Tobolsk; Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 91–93.
  36. Vorobiev-Isaev, A.A. (2008) *Dukhovnaya storona pravoslavnogo obryada pogrebeniya po arkhеologicheskim istochnikam* [The spiritual side of the Orthodox burial rite in archeological sources]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkhеologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk: Apel'sin. pp. 199.
  37. Berdnikov, I. M. (2012) *Sibirskiy pravoslavnyy nekropol' XVIII–XIX vekov kak arkhеologicheskiy istochnik (po materialam issledovaniy v Irkutske)* [Siberian Orthodox necropolis of the 18th – 19th centuries as an archaeological source (based on research in Irkutsk)]. History Cand. Diss. Novosibirsk.
  38. Chernaya, M.P. (2016) *Sibirskiy opyt osvoeniya prostranstv v istoriko-arkheologicheskom kontekste* [Siberian experience in the development of spaces in the historical and archaeological context]. In: Belyaev, L.A. (ed.) (2016) *Ot Smuty k Imperii. Novye otkrytiya v oblasti arkhеologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv.* [From the Troubles to the Empire. New Discoveries in the Field of Archeology and History of Russia of the 16th – 18th centuries]. Moscow; Volodga: Drevnosti Severa. pp. 14–23.
  39. Trepavlov, V.V. (2005) *Obraz russkikh v predstavleniyakh narodov Rossii XVII–XVIII vv.* [The image of Russians in the representations of the peoples of Russia in the 17th – 18th centuries]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 1. pp. 102–118.
  40. Samson, D. (2017) *K voprosu o rae u nentsev i obskikh ugrov (XIX–XXI vv.)* [On the paradise in the Nenets and Ob Ugrians (the 19th – 21st centuries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 49. pp. 142–146.